Павел Бажов

Загадочный Тулункин

Утром, когда пили чай, пришел отец. Пришел усталый, но веселый и чем-то довольный. Сел рядом со мной, придвинул к себе:
— Ну как, рыболов, дела-то? Много наловил?
Я готов был сейчас же бежать на прогребицу за рыбой, но отец остановил, а бабушка сказала:
— Сейчас ушку варить станем. Страсть хорошая рыбка! Окуньки больше.
— Ты лучше спроси, в котором он часу домой пришел, — вмешалась мама.
— Опоздал, видно? Насыпала, поди, мать-то, а? Она, брат, смотри!
— Вот и пристрожи у нас! Бабушка — потаковщица, отец — хуже того.
— Вишь, вишь, какая сердитая! —подмигнул мне отец. — Гляди у меня, слушайся! Я вон небось всегда слушаюсь. Как гудок с работы — я и домой, и уходить никуда неохота. Покрепче тебя, а сижу, а ты вот все бродишь. Туда-сюда тебе надо. Сегодня куда собрались?
— По ягоды, тятенька. За Карандашиху думаем.
— И то дело. Скоро ягоды-то от нас убегут, а рыба останется. Успевать надо. Только домой засветло приходи. Ладно? Не серди мать-то!
— Да будет тебе! Скажи хоть, куда вас гоняли?
— Дорогу да лес караулили.
— Что их караулить-то?
— Станового спроси, ему виднее. Так и сказал: “Этих поставить караулить лес и дорогу”. Ну, мы и караулили.
— И что?
— Да все по-хорошему. Дорога на месте, и сосны не убежали...
— Без шуток расскажи, Василий, — попросила мама.
А бабушка заворчала:
— Что, в самом деле, балагуришь, а про дело не сказываешь!
— Нельзя, мать, про это дело без шуток рассказывать. Коли дурак делает, так всегда смешно выйдет. Придумали тоже — народ выгнать политику ловить! Как же! Пусть сами ловят!
— Какую политику?
— Да, видишь, на Скварце — на золотом-то руднике под Вершинками — появился человек один. Из пришлых какой-то. Под землей работал, как обыкновенно. Вот этот пришлый и стал с тем, с другим разговаривать про тамошние дела. Стал около него народ грудиться. Стража-то горная побаивается под землю лазить, им и вольготно там. Соберутся да и судят. Про штрафы там, про обыски... ну, про все рабочее положение и как лучше сделать. Кто-то все-таки унюхал про это. Из начальства. Вчера, сказывают, как из шахты народ подыматься стал, его и хотели взять, а у него револьвер оказался. Стражники-то — они на голоруких храбрые, а этой штучки боятся — выпустили. Он в лес. Стражники давай стрелять в него, он опять в них. Перепалка вышла. Говорят, будто ему ногу подшибло пулей.
— Поймали его?
— Зачем поймали? Ушел...
— С подстреленной ногой?
— Может, это еще вранье — про ногу-то... Говорю, ушел, да и как не уйти, коли стражники сами боятся в лес заходить! А нам зачем этакого человека ловить?
— Вы по лесу и ходили?
— Вроде облавы сделано было. Он, видишь, в том лесу был, между зимником да трактом, под самыми Вершинками. В пруд этот лесок выходит. Вот его и оцепили и по тракту до плотины народ поставили. В случае если пруд переплывет, так тут его и схватят. Мы с Илюхой против Перевозной

горы пришлись. Только и видели, что стражники по дороге ездят да покрикивают: “Эй, не спишь?” А сами-то и проспали. Он знаешь что сделал?
— Ну?
— Переплыл, видно, пруд да к перевозу и пробрался. Там взял лодку — потихоньку — да прудом прямо к господскому дому. Ищи теперь! На Яшу Лесину приходят, почему лодку не уберег, а он говорит: “Тут три стражника сидело, я и не караулил. Они спать завалились, а я сиди! Как бы не так!” Лодку-то оглядывают теперь, не осталось ли следов каких... Подходили мы с Ильей. Сережку какую-то там нашли да панок-свинчатку. У нашего Егораньки такой же есть. Зеленым крашен.
— Ты, Егорушко, этот панок выбрось и не сказывай, что у тебя такой был, — посоветовала бабушка. Отец расхохотался:
— Что ты, мать! Не будут же ребячьи бабки перебирать. Мало ли крашеных панков.
Отцовский смех меня успокоил. Надо все-таки ребятам сказать, чтобы про мой зеленчик не поминали. Будто я еще с весны его проиграл. Эх, какой паночек-то был! И как это он выскользнул?

Успокоенный, я стал собираться.
Бабушка, как всегда, отрезала мне хлеба, а мама напомнила:
— Смотри, не по-вчерашнему! Глубоко-то от дороги не ходите. Там и ягод нет. К пруду ближе держитесь.
Колюшка уже поджидал на завалинке, но Петьки еще долго не было. Мы понимали, почему он долго не выходит. Ему надо незаметно пронести корзинку с запасами для раненого. Петька же взялся разыскать посудину, которую мы могли спокойно оставить. Ждали терпеливо. Петька вылетел наконец и сразу набросился на нас:
— Вы что тут расселись, ровно воробьи на жердинке! Про Сеньку-то узнали? Может, он с голубятни караулит, а они сидят! Драться-то, поди, нам сегодня не с руки! Беги, Егорша, хоть к Потаповым ребятам. Посмотри из огорода, не видно ли Сеньки либо еще каких первоглинских.
— Ну-к, что бегать-то, так пройдем.
— Говорю — не с руки нам сегодня драться.
В это время из проулка показалась лошадь, запряженная в телегу. На телеге — старик и три женщины, за телегой — привязанная хромая лошадь. Это был удобный случай. Мы сейчас же забежали с левой стороны и пошли рядом с телегой, один за другим. Немолодая женщина спросила:
— За какими, ребята, ягодами-то?
— Какие попадут.
— За брусникой-то рано ведь.
— Черника еще попадает. А вы куда?
Этот разговор был нам тоже на руку — будто мы знакомые. Нам надо было со взрослыми пересечь улицу Первую Глинку.
В Горянке тогда был дикий обычай: ребятишки одной улицы были в постоянной вражде с ребятами двух соседних улиц. Почем зря тузили один другого за то, что живут на улицах рядом. В той стороне, куда мы шли, врагами нашими были ребята Первой Глинки. Во Второй Глинке уже были наши друзья, которые тоже воевали с Первой Глинкой.
В Первой Глинке, у самого проулка, справа, жил наш заклятый враг — Сенька Пакуль. Это был рослый, красивый, ловкий и очень сильный мальчик наших же лет. Но в школе он не учился. Совсем еще маленьким он упал и прикусил кончик языка. Речь у него стала невнятной, над ним смеялись. Из-за этого Сенька и не учился в школе, а ходил учиться к какой-то старинной мастерице. Наших ребят он особенно не любил. Готов был целыми днями сторожить, чтобы

поймать и поколотить кого-нибудь из наших, если узнавал, что прошли в их сторону.
Не дальше трех дней тому назад нашей тройке удалось поймать Сеньку Пакуля с его другом Гришкой Чирухой, и мы их жестоко побили. Нелегко, конечно, это досталось. У Кольши появился пяташный синяк, у меня удвоилась губа, но больше всех пострадал Петька — у него были разорваны новые штаны. Как бы то ни было, мы все-таки победили, и Петька похвалялся:
— Будет помнить Сенька-то, как наших бить! Задавалко худоязыкое! Еще кричит—выходи по два на одну руку! Вот те и по два! Получил небось. А этой поганой Чирухе я еще покажу, как новые штаны рвать!
Мы теперь и боялись, как бы Сенька с товарищами не отплатил.
Обошлось, однако, по-хорошему. Только один парнишка увидел нас и заорал:
— Эй, лебята, Сестипятка идет! Сестипятка! С Каменуски, Сестипятка!
Парнишка был нам не ровня. С такими не дерутся. Мы только сделали ему знак пальцем — утри сопли, да Петька крикнул:
— Эх ты, сосунок! Говорить не научился!
Никого из ребят нашей ровни не было видно. Мы, конечно, больше поглядывали в сторону голубятни Сеньки Пакуля и пятистенника, где жил Гришка Чируха. Но тоже никого. Только уж когда подошли ко Второй Глинке, из-за угла выглянула лисья морда Гришки. Петька погрозил ему кулаком:
— Я тебя научу штаны рвать!
Дальше шли вовсе спокойно.
— Ну-ка, ребята, пошли поскорее. Сами-то небось наелись, а он голодом.
— Верно, пошевеливаться надо.
Мы зашагали быстрее. Покосную дорогу через речку Карандашиху мы знали хорошо, первую просеку — тоже. Но чем ближе подвигались, тем больше тревожились.
Хотели поскорее увидеть, что раненый тут, никто его не захватил, и мы всё больше и больше поторапливались. Около просеки уже бежали бегом. Свернули налево и сейчас же запели про железную дорогу. Спели раз, другой — никого. Мы продолжали петь. Опять никого.
— Вон пруд, ребята, видно, а его нет. Говорил — за Карандашеву гору проползет. Как же так? Она, видишь, кончилась. Искать надо. Может, тебе, Егорша, свистнуть?
— Дойдем сперва до пруда,— предложил Колюшка.
— Что там делать-то? Говорил — в мелком лесу, а там видишь какой! Голова!
— Вот тебе и голова! Помните, сказал—до конца идите?
Опять запели про сороконожку и пошли к пруду. Вблизи берега, где лес совсем редкий, наш раненый отозвался. Где он? Близко вовсе, а не видно. За деревом, что ли? Но вот зашевелилась куча хвороста. Вон он где!
— Не мог, ребятки, выше-то уползти. Что-то плохо мне, — сказал незнакомец, когда мы подбежали к нему. — Воды принесите кто-нибудь.
Петька вытряхнул перед раненым смесь горохового киселя с бараниной и творожником, выложил ломти хлеба и побежал с бураком к пруду.
— И поесть принесли. Вот спасибо, ребятки! Да как много!
И он сейчас же схватил ломоть и жадно стал есть. Мы не менее жадно разглядывали своего вчерашнего знакомца. Он был еще не старый, с короткими черными волосами и широкими бровями. Кожа лица и рук покрыта мелкими черными точками, как у слесарей. 'Подбородок сильно выдался, а глаза, казалось, спрятались под широким квадратным лбом. Ласковые слова мало подходили к строгому лицу.
— Что глядите-то! — усмехнулся раненый. — Не видали, как голодные едят? Что говорят в заводе

про вчерашнее?
Тут я принялся выкладывать, что слышал от отца. Раненый заметно заинтересовался:
— Где, говоришь, отец-то у тебя работает? Я сказал, что у нас с Петьшей отцы работают в пудлинговом цехе, а у Колюшки — тот всю жизнь на домне.
— Лошадей ни у кого нет?
— Лошадей нет.
— Вот что, ребята... Вы бы мне слесаря Тулункина нашли. В вашем краю живет. На Первой Глинке.
— Приезжий какой?
— Нет, ваш, горянский. Мы с ним вместе в городе работали.
На Первой Глинке, как и на своей Каменушке, мы знали подряд все дома, но Тулункиных там не было. Перебрали по памяти всех — нет Тулункиных!
Раненый, однако, стоял на своем: есть.
— Писал ему раз. Дошло письмо, и ответ получил.
— На Первой Глинке?
— На Первой Глинке. Тулункин Иван Матвеевич.
— Нет, такого не бывало. Раненый все-таки не верил нам.
— Вы вот что, ребята! Ступайте домой и там Узнайте про Тулункина. Сходите потом — только не все, а один кто-нибудь — к этому Тулункину и скажите ему: Софроныч, мол, тебя ждет с лошадью, а где ждет — я укажу.
— Дяденька, да нам на Первую Глинку и ходить нельзя.
— Деремся мы с тамошними ребятами.
— Ну, помиритесь на этот случай.
— Легко сказать — помиритесь! Это с Сенькой-то Пакулем да с Гришкой Чирухой! Попробуй!
Мы быстро собрались домой, ягоды не стали брать. Решили сказать дома, что их вовсе нет в этом месте: брусника еще белая, а других не осталось. На обратном пути не один раз перебрали всех жителей Первой Глинки. Может, пишется кто так? У нас ведь в Горянке чуть не у всех двойные фамилии. Петька вон зовется Маков, а пишется Насонов. Колюшка по-уличному Туесков, а пишется Турыгин. У меня тоже две фамилии.
— Надо, ребята, все-таки узнать про Тулункина.
— Ты сперва про другое думай! — сурово сказал Петька. — Как пройти мимо Глинки? Сенька-то, поди, караулит. Думаешь, Чируха ему не сказал?
— Может, Сеньки и дома нет.
— Все-таки, ребята, пойдем берегом.
— Там скорее нарвешься.
— Мы со Второй Глинки поглядим. Если не купаются — ходу прямо по воде. Ладно? А Сенька пусть сидит, как сыч, в переулке караулит.
Сенька оказался хитрее.
Только мы поравнялись с Первой Глинкой, как на нас налетело четверо, а сзади, с огородов, еще перелезло трое. Нас окружили. Враги заранее радовались:
— Попалась, Шестипятка!
Но Петька не забыл про разодранные штаны и зверем кинулся на Гришку Чируху. Гришка был слабый мальчик, и Петька с одного удара сбил его с ног.
Колюшка пошел на Сеньку Пакуля, но тот увернулся, ловко подставил ножку, и наш Медведко сунулся носом в землю на самый берег. Меня тузили двое школьных товарищей и уже кричали:
— Корись, Егорко!

Я, конечно, не мог допустить такого позора и отбивался как мог, хотя уже из носу бежала кровь и рука была чем-то расцарапана.
По счастью, Петька изо всей силы залепил камнем в ведро подходившей к пруду женщины. Ведро зазвенело, загрохотало и свалилось на землю. Женщина освирепела и бросилась с коромыслом в самую гущу свалки. Мы воспользовались этим и бросились наутек к переулку.
Как раз в это время возвращался лесник верхом на лошади. Ехал он шагом. Это для нас было выгодно. Мы из-за него могли отбиваться камнями, а нашим врагам этого сделать было нельзя. Так и ушли.
Петька мог все-таки утешиться:
— Видели, ребята, как я Чирухе засветил? Два раза перевернулся! Будет помнить, как штаны драть!
Хоть Гришка и не перевертывался двух раз, но нам самим похвалиться было нечем, спорить не стали. Колюшка только вздохнул:
— Кабы нога не подвернулась, я бы ему показал...
— Ежли да кабы стали на дыбы, хвостиком вильнули, Кольше подмигнули...
— У самого-то щеку надуло!
— Это мне Сенька вкатил. Хорошо бьется, собака! Это так точно. В нашей бы улице жил, мы бы показали первоглинским! А Чируха — язва. Только и толку, чтобы одежду драть. Ему ловко, богатому-то!
— Вот и мирись с ними!
— А надо, — проговорил Колька, растирая медной пуговкой большую шишку на лбу.
— Наставят тебе с другого-то боку!
— Ну-к что, наставят, а мириться надо.
— Да как ты станешь с ними мириться? Покориться, что ли, Первой Глинке?
— Чтобы наши каменушенцы первоглинским покорились! Никогда тому не бывать! Это уж так точно. Гляди, вон Сенька-то задается!
Над угловым домом Первой Глинки, где жил Сенька, взлетела пятерка голубей. Нам с завалинки был виден и конец Сенькиного махала.
— Видишь, голубей выпустил. Хвастается задавалко худоязыкое! Постой-ка... — Петька поглядел на нас, как на незнакомых, потом махнул головой: — Пошли, Егорша!
Он швырнул корзинку тут же на улице и бросился в калитку своего дома. Я не понимал, что он задумал, но тоже побежал за Петькой. Ухватив в сенцах коротенький ломок, Петька полез на сеновал.
Неужели он Гриньшиных голубей спустит? Это было страшно, но я все же полез за Петькой. У нас ни у кого из тройки своих голубей не было, но у Петюнькиного брата Гриньши была пара ручных, подманных. Эту пару хорошо знали по всему околодку. Нам доступа к ней не было. Клетка всегда была на замке, а ключ Гриньша носил с собой.
Петька подсунул ломок, нажал и выворотил пробой.
— Свисти на выгон! — приказал он мне, открывая дверцу клетки.
Я засвистал, и пара, хорошо знавшая свое дело, сразу пошла на подманку, врезавшись сбоку в стайку Сенькиных голубей. На свист выбежала из избы Петькина мать и закричала:
— Что вы, мошенники, делаете? Гриньша-то узнает — задаст вам!
— Он, мамонька, сам велел Сенькиных подманить.
— А как его-то упустите.
— Не упустим! Подсвистывай, Егорша. С крыши нам видно было, как метались на своей голубятне Сенька и трое его друзей. Залез на голубятню какой-то вовсе большой парень. Все они свистали,

подманивали голубей, но напрасно старались: вся стайка слушалась теперь только моего свиста.
Я еще раза три сгонял ее вверх, потом стал свистать на спуск. Петька .уже кричал вниз Кольке:
— Тащи решето да сбивай ребят, какие есть! Сенька сейчас драться полезет.
Через несколько минут все было кончено. Гриньшина пара сидела в своей клетке, а Сенькина пятерка трепыхалась в закрытом решете. Только Сенька не лез драться. Он, как потом мы узнали, ревел, как маленький.
— Теперь, ребята, с Сенькой помириться не стыдно, — объявил Петька.
Подождав немного, мы вышли в переулок. Со стороны Первой Глинки там уже были все те ребята, которые недавно нас тузили. Вышел и заплаканный Сенька. Петька звонко крикнул:
— Сеньша, хошь отдам?
— За сколь?
— Так отдам. Без выкупу.
— Обманываешь!
— Нет, по уговору отдам.
— О чем уговор?
— Мириться.
— На сколь дней?
— Навсегда.
— С тобой?
— Нет, со всей нашей заединщиной. Со мной, с Колышей, с Егоршей.
— А мне как?
— Ты сговорись вон с Митьшей Потаповым, с Лейшей Шубой.
Петька указывал на самых крепких мальчуганов, наших одногодков. Они меня и колотили.
— Не будут если?
— Других подбирай. Только Гришку не надо. Он штаны новые дерет.
Сенька недолго говорил со своими и крикнул:
— Давай!
— Навсегда?
— Навсегда! — крикнули на этот раз Митька и Лейко.
Мы сбегали за решетом и передали его Сеньке. Тот сейчас же убежал на голубятню, высадил голубей, притащил решето. Начался уговор. Обрадованный Сенька был готов сойтись на пустяках, но все остальные хотели мириться “как следует”.
Мирились тогда у нас на “вскружки” — драли один другого за волосы. Вскружки были простые, сдвоенные, с рывком, с тычком, с поворотом, зависочники, затыльные до поясу, до земли.
Сенька сперва сказал — пять простых. Смешно даже! Пять-то простых — это когда из-за пустяковой рассорки дело выходило, а тут вовсе другое: улицы мирились, да еще навсегда!
Выбрали для такого случая три самых крепких зависочника да пять затыльниц до земли, чтоб лбом в землю стукнуть.
Встали парами один против другого и начали выполнять уговор. Сначала они раз, потом мы, опять они, опять мы. Сенька из-за голубей и тут хотел поблажку Петьке сделать, да Петька закричал:
— Не в зачет! Сенька мажет.
Дальше уже пошло по совести. Драли друг друга за волосы так, что у всех стояли слезы на глазах. Нельзя же! Мирились не на день, а навсегда, да еще с разных улиц. Дешевкой тут не отделаешься!
Составились еще две пары, но Гришку Чируху никто не вызвал.
Когда мир был заключен, решили искупаться на каменушенском берегу. У нас было удобнее, да и Петьке давно хотелось помериться с Сенькой на воде. Только куда Петьке! Сенька и заплывал и

нырял много дальше. Потом Сенька боролся с Колышей и тоже легко его бросил. Зато на палке Кольша все-таки перетянул. Попыхтел, конечно, а перетянул. Все три раза. Хотели еще проверять — заставляли снова бороться, да Кольша сказал:
— Ну-к, он ловчее, а я сильнее.
На этом и согласились. Медведушко наш, и верно, ловкости большой не имел.
Мы — остальные — тоже боролись и на палке тянулись, но это уж так, для порядку. Зато наши новые друзья заказывали мне:
— Егорша, свистни по-атамански.
Я бы с радостью потешил друзей, но после первого же посвиста из окон ближайших домов высунулись взрослые и на всякие голоса закричали:
— Егорко, уши оборву!
— Свистни еще — я тебе покажу!
— Егорко! Ты опять? Сколько раз тебе говорить, а?
Петька, всегда гордившийся моим свистом больше меня, похвастался:
— По всему заводу против нашего Егорши свистаря не найти! Мешают вот только парню! — кивнул он головой в сторону ругавшихся взрослых и сейчас же громко спросил первоглинских: — Ребята, у вас Тулункины есть?
Сенька с удивлением поглядел на него:
— Ты что, шутишь? Мы — Тулункины пишемся.
— Да ведь вы Кожины!
— Кожины, а пишемся Тулункины.
— Отца у тебя как зовут?
— Иван Матвеич.
— Сеньша, друг! Его-то нам и надо!
— На что?
Этот вопрос смутил Петьку. Он метнул глазами в мою сторону и сказал:
— Егорше вон надо-то... Поклон, что ли, передать.
— Ну, что... Приходи Егорша, в шесть часов. С работы он придет.
Загадка была отгадана. Тулункина нашли — и вовсе близко.
;
Выследили до конца
;
До шести еще было далеко, и мы занялись игрой в городки, только перешли на Первую Глинку. У них было гораздо лучше играть, чем на нашем, каменушенском косогоре. В шесть часов я сходил к Ивану Матвеичу. Он только что пришел с работы и умывался у крыльца. Я тут ему и сказал:
— Дяденька, тебя Софроныч с лошадью ждет, а где — я укажу.
Иван Матвеич выпрямился во весь свой высокий рост и так, с мокрым лицом, спросил:
— Какой Софроныч?
— С которым ты в городе работал. Еще письмо он тебе писал...
— Постой... Ты откуда его знаешь?
— Не велено сказывать.
— Да ты чей?
Я сказал. Иван Матвеич торопливо утер лицо и руки, потом сказал:
— Пойдем к отцу. Знаю я его.
Пришли. Иван Матвеич сразу же сказал:
— Мне бы, Василий Данилыч, с тобой надо поговорить.

— Говори тут — некому у нас вынести.
— Нет, все-таки надо бы по тайности.
— Тогда пойдем в огород.
— И парнишку твоего надо.
— Неуж что худое наделал?
— Нет, ровно.
В огороде у нас росло два черемуховых куста, под ними стояла скамейка. Место это называлось садом. Тут и уселись.
Иван Матвеич, понизив голос, проговорил:
— Сынишка твой сейчас мне поклончик передал от человека, которого ему, ровно, знать неоткуда. Стал спрашивать, где видел, а он говорит — не велено. Вот и повел к тебе. Пусть расскажет.
Тут уж пришлось сказать все. Отец пожалел:
— Ох, ребята, ребята, давно бы сказать надо! Хоть мне, хоть Гриньше, хоть Илье. Беги-ка за своими заединщиками да Илью тоже позови. Скажи, дело есть.
Через несколько минут на скамейке прибавился Илья Гордеич, Петькин отец, а мы все трое уселись на земле. Мой отец сам рассказал, как было дело, потом сказал нам:
— Вы, ребята, теперь про это забудьте. Будто и не было. Слышали?
— Без вас того человека уберем, — добавил Илья Гордеич.
— Без нас не найти, — ответил Петька. — Он на нашу песенку отзывается, а вы не умеете.
— Найдем и так. А вы забудьте! Никому чтобы. Панок-то, Егорша, не твой?
— Мой...
— Смотри! Всем говори — давно потерял.
— Я так и думал...
— Ну, а теперь бегите играть.
Когда нас так отстранили, Петька первым делом налетел на меня:
— Распустил язык! Все им сказал. Кто тебя просил?
— Сам бы шел!
— “Сам бы, сам бы”! А ты что?
— А то... Не поверил Иван Матвеич. Пойдем, говорит, к отцу.
— Ну?
— Ну я и рассказал.
— Все, как было? И про место, где он лежит?
— И про место...
— Вот и вышел “малый мой, малый мой, понесу тебя домой”! Теперь, думаешь, они что скажут?
— Так ведь спрячут его.
— Спрячут-то, спрячут, да тебе не скажут. Слыхал у них разговоры: “Отвяжись! не твое дело!”
— Узнаем, поди, потом, — отозвался Колюшка.
— Когда узнаем? Как большие вырастем?
В это время отворилась калитка. Вышел Иван Матвеич и не спеша зашагал к своей улице. Вскоре вышли и наши отцы.
Отец Петьки зашел к себе во двор, а мой прошел мимо и повернул в переулок налево.
— Видал? Сговорились уж, а про нас и помину нет! Это так точно.
— Ну-к что...
— Вот те и “ну-к”! Узнать-то охота или нет? Беги, Егорша, за отцом. Если он брать не станет — скажи, в Доменную, мол, надо, а мимо Кабацкой боюсь один. Я к Сеньше сбегаю. Пусть он за своим отцом глядит. А ты, Кольша, тут сиди. Никуда, смотри, не уходи. Если мой тятя куда

пойдет, беги за ним.
Своего отца я догнал, когда он поравнялся с соседней, Кабацкой улицей. Отец усмехнулся:
— Тебе куда?
— Я, тятенька, в Доменную... К Силку Быденку...
— Зачем это?
На этот вопрос я не знал, что сказать. Никак не придумывалось.
— Так... Говорят, у него крючки есть...
— Самоловы, поди?
Я обрадовался и принялся врать о крючках, но отец не дослушал:
— Ступай домой.
В голосе не было строгости, и я уже по-простому запросился:
— Я с тобой пойду!
— Нет, Егоранько, нельзя. Потом тебе скажу...
— Когда скажешь?
— Ну, когда надо, тогда и скажу. Ступай! Некогда мне.— И отец нахмурился.
Приходилось идти домой без удачи.
Петьки еще не было. Кольша спокойно сидел на завалинке у Маковых. Я сказал, что отец меня воротил, и в утешенье себе добавил:
— Обещался потом сказать.
— Ну-к, я говорил — скажут. Зря Петьша трепещется.
С этим я не смог согласиться. Когда еще скажут! Надо теперь узнать.
От Маковых вышел Илья Гордеич. Одет он по-праздничному, но как-то чудно: ворот синей рубашки расстегнут и торчит заячьим ухом, суконная тужурка надета в один рукав, левый карман плисовых шаровар вывернут, фуражка сидит криво и надвинута на глаза. Что это с ним? На ногах нетвердо держится! Когда напился? Сейчас трезвехонек был.
— Что, угланята, уставились? Пьяных не видали? — спросил Илья Гордеич, и, пошатываясь, пошел вверх по улице.
Мы переглянулись и стали смотреть, что будет дальше. Пройдя домов пять, Илья Гордеич совсем по-пьяному затянул:
Ой-да, ой-да за горой,
За круто-о-ой...
Запыхавшись, прибежал Петька и стал рассказывать:
— Сеньшин отец с удочками пошел! В ту сторону... Понятно? Не поймаю ли, говорит, вечером ёршиков, а у самого и червей нет и удочки у Сеньши взял. Рыболов, так точно... У вас что?
Мы рассказали. Петьку больше всего удивило, что отец у него напился.
— Вина-то в доме ни капельки. Знаю, поди. Выдумываете?
— Ну-к, гляди сам. Вон он у Жиганова дома куражится.
— Верно... Пошли, ребята!
Около камней у дома подрядчика Жигана стоял Илья Гордеич и громко спрашивал двух работников Жигана:
— Мне почему не гулять? Сенцо-то у меня видали? Что ему сделается, коли оно у меня под крышей... а? Слыхали про Грудки-то? Нет ? Все зароды в дыму. Не слыхали?
Со двора торопливо выбежал Жиган и, отирая руки холщовым фартуком, спросил:
— О чем ты, Гордеич?
— Тебя не касаюсь... С ними разговор.
Илья Гордеич, сильно шатаясь из стороны в сторону, пошел дальше и опять запел:

Ой-да, ой-да за горо-о-ой...
Жиган поджал губы:
— Напьются, главное дело, а тоже! Что он сказывал ?
— Ну, выпивши человек... мало ли сболтнет... На Грудках будто сено горит.
— На Грудках?
— Все, говорит, зароды в дыму.
— На Грудках?
— Так сказывал... Пьяный ведь — что его слушать...
— Тебе, главное дело, горюшка мало, что у хозяина на Грудках три зарода. Работнички!
Увидев нас, Жиган спросил Петьку:
— Был у вас кто нонче?
— Не видал.
— Говорил отец с кем-нибудь?
— Стоял давеча в заулке. Разговаривал с какими-то.
— С кем?
— Нездешние. По-деревенскому одеты. С вилами, с граблями... На паре. Пятеро их.
— Откуда ехали?
— С той стороны, — указал Петька.
— О чем говорили-то?
— Не слушал я.
— Ну и соседи у меня! Им бы, главное дело, худое человеку сделать! Про беду сказать — язык заболит! По пьяному делу разболтался, и то за счастье почитай. Чем, главное дело, я поперек горла людям стал? — И Жиган, потряхивая козлиной бородкой, побежал во двор.
Илья Гордеич между тем перешел на другую сторону улицы и остановился перед окнами чеботаря Гребешкова. Петька удивился:
— На что ему Гребешков сдался? Сам Гриньше говорил: “Берегись Дятла, наушник он, для виду только чеботарит”.
Илья Гордеич сел на завалинку и стал скручивать цигарку. Возился он с этим долго. Бумага не слушалась, табак сыпался на землю. Вышел Гребешков — маленький, вертлявый человечек с большим носом, взял у Ильи Гордеича кисет и бумагу и свернул две цигарки. Было не слышно, о чем они говорили, но вот Илья Гордеич стал стаскивать с левой ноги сапог. Делал он это очень долго. То наклонялся чуть не до самой земли, то откидывался назад. Когда сапог был снят, Гребешков ушел с ним в дом, а Илья Гордеич остался на завалинке. Со двора Жигана вылетела запряженная в телегу пара “праздничных”, соловых с белыми гривами и хвостами. На телеге сидели Жиган, двое работников и работница. Телега загремела вниз по улице и свернула в переулок налево. Вышел Дятел с сапогом. Илья Гордеич опять долго возился, надевая сапог, потом притопнул ,ногой, поднялся и указал рукой на кабак. Дятел что-то говорил, как будто отказывался, но кончил тем, что снял с головы ремешок, которым были стянуты волосы, забросил в раскрытое окошечко, и оба они зашагали к кабаку.
— С Дятлом пошел.! Нашел дружка! — осудил Петька своего отца.
Нам тоже было удивительно, что Илья Гордеич вдруг связался с пьянчугой Дятлом. Чтобы ждать было не скучно, мы стали играть шариками с верхов-скими ребятами.
Становилось темно, когда Илья Гордеич вышел из кабака. Дятла с ним не было. Илья Гордеич, пошатываясь, пошел домой. Песни на этот раз он не пел. Нам пришлось доигрывать, и мы потеряли из виду Илью Гордеича. Как только кончили игру, побежали домой. Остановились у Колюшкиного дома.

— Егорша, давай не будем спать эту ночь. Ладно? Ты за своим отцом гляди, я — за своим. Это будет так точно. Ты, Колыиа, тоже не спи!
— А мне за кем глядеть?
— А ты... за нами, чтоб не уснул кто. К Егорше на сеновал приходи.
— Ну-к что... Ладно.
Отца своего я застал дома. Он сидел у огня и подшивал сапог. Мама готовила ужин, а бабушка вязала. Мама с бабушкой разговаривали, отец молчал.
После ужина я не пошел сразу на сеновал, а притаился во дворе — не услышу ли тут какой-нибудь разговор взрослых. Так и вышло.
Вскоре из дому вышел отец и, попыхивая трубкой, сел на крылечко. Как только на колокольне пробило двенадцать, отец подошел к соседнему забору и тихонько кашлянул. Ему ответили тем же.

— Ну что?
— Разыграл. Жиган угнал на Грудки, Дятел без задних ног. Чуть не две бутылки в него вылил да еще сорок копеек дал. У тебя что?
— Дедушко сам взялся проводить. Говорит, от Карандашихи через Жиганову заимку, потом болотами на Горнушинский прииск, а он чуть не к самой Чесноковской больнице подходит. Двадцати будто верст не выйдет.
— В Чесноковском, сказывают, доктор молодой, а дельный.
— В котором часу Филат Иваныч заедет?
— Велел, как час бить станут, наготове быть.
— Слушай-ка, Василий, не побоится доктор на леченье принять? Дано, поди, знать в Чесноковский.
— Да ведь он по чужому виду на руднике был прописан. Настояще-то его зовут Михайло Софроныч Костырев. Из Чесноковского он родом-то, только смолоду в городе работает.
Теперь я знал все. С трудом удерживался, чтобы не броситься на сеновал. Еле дождался, пока отец выбивал табачную золу и бродил по двору. На сеновале я хотел было выпалить все Петьке, но он, оказывается, тоже слышал весь разговор.
На другой день мы узнали, что Сеньшин отец с утра был на работе, а наших не было до вечера.
Отцу я не напоминал обещания; но осенью, когда мы уже ходили в школу, он сам сказал:
— Вылечили, Егоранько, того...
— Михаила Софроныча? — не удержался я.
— Ты откуда знаешь, как его зовут?
— Сам тогда сказывал...
— Вам?
— Нам.
— Ой, парень, смотри! Не верю я что-то.
Вечером в бане у Маковых, где Илья Гордеич поправлял зимние рамы, собрались наши отцы и стали “допрашиваться”, что мы знаем. Сначала мы отмалчивались, потом это надоело. Петька махнул рукой и выпалил:
— Все знаем. Слышали ваш разговор.
— Чистая беда с вами, ребята! Не сболтните хоть!
— Мы-то? Это уж будьте в надежде! Умерло!
— Умерло! А Гриньше сказывали?
— Гриньше, конечно... Не маленький, поди, он.
— А Сеньше?

— Ну-к, Сеньша заединщик... Навсегда!